

Реакция Грузии на турецкое давление, армянский фактор и перспективы отношений с РФ и Израилем

Комментарий Центра АРВАК, 25.09.2026

Аннотация

Комментарий АРВАК посвящен исследованию сдвигов во внешней политике Грузии на фоне дипломатического инцидента в Тбилиси и усиления турецкой экспансии в регионе. В центре внимания – косвенные сигналы грузинского руководства в адрес Анкары через актуализацию темы Геноцида армян, гипотетическое сближение с Израилем, а также постепенный пересмотр роли антироссийского дискурса и поиск баланса сил в архитектуре безопасности Южного Кавказа.

Ключевые слова: Грузия, Турция, Ираклий Кобахидзе, Геноцид армян, Аджария, Южный Кавказ, израильский фактор, грузино-российские отношения, региональная безопасность.

1. Инцидент в Тбилиси и турецкая экспансия в Аджарии

Вслед за дипломатическим инцидентом в ходе тбилисской встречи глав МВД Грузии и Турции – Сулхана Тамазашвили и Мустафы Чифтчи – логично ожидать, что грузинские власти начнут пересматривать характер двусторонних связей с Анкарой или по крайней мере продемонстрируют турецким партнерам готовность к такому шагу.

В своем [комментарии](#) от 17.09.2026 под названием «Аджарский вопрос в условиях смены архитектуры региональной безопасности» Центр АРВАК уже давал детальную оценку переговорам в Тбилиси, в ходе которых глава турецкого ведомства, по сути, поставил под сомнение суверенитет Грузии над Аджарией. И хотя на официальном уровне стороны попытались скрыть произошедший демарш, появившиеся в СМИ сведения о конфликте значительно всколыхнули общественно-политическую среду Тбилиси, вновь подняв острые вопросы исламизации и тюркизации Аджарии, а также усугубив опасения относительно общей экспансионистской политики Анкары в Грузии.

Хотя грузинские власти воздерживаются от открытых публичных заявлений, осуждающих действия и риторику высшего руководства Турции, они направляют Анкаре недвусмысленные, хотя и завуалированные сигналы. Эти меседжи четко демонстрируют глубокую обеспокоенность Тбилиси развитием ситуации и текущим состоянием двусторонних отношений.

2. «Армянский фактор»: беспрецедентный сигнал Тбилиси в адрес Анкары

Примером такого косвенного реагирования стали телевизионные дебаты от 14.09.2026, в ходе которых глава грузинского правительства Ираклий Кобахидзе обратился к проблематике Геноцида армян. Он подчеркнул, что актуальность международного признания массовых преступлений в Османской империи как злодеяния против человечности сохраняется независимо от стремления нынешнего руководства Армении к нормализации диалога с Анкарой. В дискуссии с Паатой Закареишвили, представляющим проевропейскую «Республиканскую партию Грузии», Кобахидзе особо отметил: «Армяне не излечили боль Геноцида, и процесс его признания не зависит от позиции и планов нынешних армянских властей».

С момента обретения независимости официальные власти Грузии проявляли крайнюю осторожность в оценках трагических событий столетней давности в

Османской империи. В связи с этим заявление Ираклия Кобахидзе представляет собой беспрецедентный шаг в политической истории страны. До сегодняшнего дня Тбилиси воздерживался от государственного признания Геноцида армян, строго ограничивая памятные мероприятия и связанные с этой темой общественные инициативы рамками армянской общины. Для Грузии вопрос Геноцида армян всегда оставался исключительно чувствительным, поскольку он тесно переплетен с отношениями как с Турцией, так и с Азербайджаном – государством, которое не менее, а порой даже более активно, чем Анкара, продвигает курс на отрицание задокументированных фактов этой национальной трагедии армянского народа. Исторически позиция, не допускающая признания Геноцида армян, выступала одним из редких консенсусных направлений во внешней политике Грузии, объединявшим действующие власти и системную оппозицию вопреки их острым разногласиям по вопросам государственного устройства и внешнеполитической ориентации республики. Подобное согласие подчеркивало, что при любой геополитической конъюнктуре и любых ориентирах Тбилиси на ключевые мировые центры силы поддержание добрососедских отношений с Турцией неизменно расценивалось грузинскими элитами как ключевой приоритет и базовая гарантия безопасности в нестабильном регионе Южного Кавказа и Черноморского бассейна.

На этом фоне резонансные публичные высказывания премьер-министра Ираклия Кобахидзе – хотя и без прямого упоминания Турции, но с четким акцентом на ее ответственности за Геноцид армян – стали сенсацией для внутривластной арены страны. Это свидетельствует о том, что Тбилиси вынужден разрабатывать комплекс сдерживающих мер, направленных на нейтрализацию усиливающегося давления со стороны Анкары и принуждение ее к более сдержанному курсу. В силу высокой чувствительности данной темы для турецкой стороны «армянский вопрос» рассматривается грузинским руководством как действенный рычаг воздействия.

Тем самым грузинское руководство демонстрирует готовность отойти от многолетнего дистанцирования и присоединиться к международным призывам к окончательной и однозначной квалификации трагических событий прошлого, правовой оценке преступления и принуждению Турции к выполнению обязательств, вытекающих из этого шага. При этом Грузия имеет все основания выступать заинтересованной стороной, учитывая, что значительную долю ее армянской, езидской и греческой общин образуют потомки беженцев, спасшихся от репрессий в Османской империи.

Некоторые армянские аналитики предположили, что этим неожиданным демаршем премьер-министр выразил стремление Тбилиси «вбить клин» в едва восстанавливающийся армяно-турецкий диалог. Впрочем, данная трактовка мотивов грузинской стороны выглядит весьма поверхностной – особенно с учетом уточнения самого Ираклия Кобахидзе о необходимости разделять курс Никола Пашиняна и процесс международного признания Геноцида армян. На наш взгляд, ключевой аспект здесь кроется в иной плоскости – а именно в контексте непростой динамики турецко-израильских отношений. Касаясь проходящей ныне кампании по международной квалификации Геноцида армян в Османской империи, глава грузинского кабинета, вероятно, подразумевал демарш израильского руководства, которое 28.06.2026 г. единогласно одобрило признание этого масштабного преступления и направило

инициативу в Кнессет для придания ей законодательной силы. Поскольку аналогичных шагов в других государствах в последнее время не предпринималось, высказывания Кобахидзе были прямо адресованы Тель-Авиву. Хотя подобный сценарий выглядит весьма неопределенным, артикулирование самой возможности такого геополитического расклада способно предоставить Тбилиси дополнительные рычаги для противодействия турецкому давлению. Сигнал И. Кобахидзе в адрес Анкары может указывать не столько на гипотетическую грузино-израильскую координацию вокруг темы Геноцида армян (соответствующий законопроект формально сохраняется в повестке Кнессета, а его дальнейшая судьба определится по итогам осенних парламентских выборов), сколько на готовность Грузии к масштабированию и углублению партнерства с Тель-Авивом. При таком раскладе армянская тематика выступает катализатором процесса, который гипотетически может привести к смещению регионального вектора Израиля от опоры на союз с Азербайджаном в сторону более активного взаимодействия с Грузией и Арменией.

3. Израильский вектор и поиски региональных противовесов

В Тбилиси осознают, что на фоне эскалации турецко-израильских противоречий Тель-Авив заинтересован в поиске союзников на местах и формировании регионального блока, способного сдерживать экспансию Анкары в сфере, которую Израиль традиционно считает зоной собственных жизненно важных интересов. Судя по всему, грузинские власти рассчитывают использовать этот противовес: в случае продолжения давления со стороны администрации Р. Т. Эрдогана на суверенитет Грузии Тбилиси готов четко дать понять Анкаре, что оставляет за собой право поддержать внешнеполитические инициативы Израиля.

4. Пересмотр антироссийского дискурса: РФ как фактор выживания

В качестве еще одной ответной меры на действия Турции власти Грузии активизируют дискурс о необходимости пересмотра роли России на Южном Кавказе и переоценки степени ее ответственности за потерю Тбилиси контроля над Абхазией и Южной Осетией. На дебатах между представителями политических сил в эфире телеканала *Rustavi 2* премьер-министр Ираклий Кобахидзе обратился к теме грузино-российских отношений. Он подчеркнул, что связывать все проблемы Тбилиси исключительно с российским фактором неправомерно, и указал, что тотально насаждаемая извне русофобия мешает грузинскому обществу адекватно оценивать геополитические процессы вокруг страны.

По мнению Кобахидзе, насаждаемую антироссийскую волну необходимо «*убить в зародыше*», поскольку она несет политические и экономические риски. Ранее глава правительства также отмечал, что искусственно провоцируемый рост антироссийских настроений представляет собой масштабную угрозу независимости страны, за которой стоят оппозиция и «*глубинное государство*». Этот «*опасный процесс*» премьер напрямую связал с отказом Тбилиси от открытия «*второго фронта*» против России после 2022 года, несмотря на подстрекательство Запада.

Очевидно, что грузинское руководство пока не готово выступить с инициативой по полномасштабному восстановлению отношений с Россией. Этому препятствуют, с

одной стороны, усилившееся политическое давление Запада на Тбилиси, а с другой – открытые экспансионистские амбиции Турции. Ключевым детерминантом внешнеполитического курса Грузии остается проблема Абхазии и Южной Осетии. Это подтвердил И. Кобахидзе в своем интервью от 11.08.2026 г., однозначно заявив: *«Грузия не восстановит дипломатические отношения с Россией, пока Москва признает независимость Абхазии и Южной Осетии».*

В обстоятельствах, когда большинство грузинских политиков и граждан рассматривают эти территории как оккупированные, правительству крайне сложно разъяснить обществу необходимость нормализации диалога с Москвой – шага, обусловленного крайне опасной геополитической обстановкой вокруг республики. Тем не менее правящая партия «Грузинская мечта» не намерена мириться с подобным положением дел. В Тбилиси отдают себе отчет в том, что подогреваемая Западом русофобия навязывает государству иррациональное и тотальное неприятие РФ – силы, которая в текущих реалиях единственная в состоянии сохранить хрупкий баланс региональной безопасности. Власти Грузии обоснованно полагают, что в течение двух десятилетий, пока в стране насаждались антироссийские настроения, внешние бенефициары этого процесса планомерно подготавливали условия для осуществления собственных амбициозных замыслов, в том числе связанных с посягательством на суверенитет и территориальную целостность республики.

Избегая алармистских методов для «пробуждения» населения, грузинские власти действуют осмотрительно, но при этом выражают четкую позицию: политический климат страны нуждается в переформатировании, а ключевые риски – в переоценке. В сложившейся обстановке угроза со стороны России более не воспринимается Тбилиси как главная или экзистенциальная. По оценке руководства республики, искоренение антироссийских проявлений в общественной и политической сферах – это первичный и недвусмысленный шаг к формированию нового формата диалога с Москвой.

Несмотря на багаж взаимных претензий и неразрешенных споров, именно Россия, по мнению грузинских властей, остается единственным реальным фактором, способным противостоять экспансии турецко-азербайджанского дуэта на Южном Кавказе, пользующегося поддержкой Запада. Таким образом, нормализация связей с РФ превратилась для Грузии из вопроса свободного выбора в условие выживания. Эта необходимость обусловлена как внешним натиском Анкары, так и дестабилизирующими внутренними процессами, инициируемыми ультралиберальными кругами, которых Ираклий Кобахидзе связывал с деятельностью *«глубинного государства».*

Почти 20 лет спустя после неудавшейся попытки силового разрешения югоосетинского конфликта Тбилиси вновь оказывается перед лицом серьезнейших рисков дестабилизации и угроз своему суверенитету. Однако ключевой вызов в нынешних реалиях формируется уже не на северной границе. Грузия вынуждена адаптироваться к переформатированной геостратегической обстановке, вызванной активным продвижением интересов Турции в регионе Южного Кавказа и содействием этим шагам со стороны Азербайджана. В условиях геополитического разворота Еревана в сторону Запада и Анкары северный вектор превращается для Тбилиси в единственную фундаментальную опору. Это позволяет грузинскому государству не только

сбалансировать архитектуру региональной безопасности и отстаивать национальную независимость, но и защитить самобытную духовно-культурную идентичность, сохранение которой возведено действующим руководством страны в ранг важнейшего приоритета.

5. Заключение: геополитический выбор Грузии в условиях новой архитектуры безопасности

С момента прихода к власти осенью 2012 г. коалиция «Грузинская мечта» постоянно сталкивалась с упреками в пророссийской ориентации и тайном стремлении к нормализации отношений с Москвой. Чтобы опровергнуть эти обвинения, партия была вынуждена не только выступать с жесткой риторикой, но и предпринимать конкретные практические шаги, демонстрирующие неприятие *«оккупационной политики»* РФ и приверженность прозападному курсу, заложенному еще «Революцией роз».

Тем не менее обвинения в сотрудничестве с Москвой, которые прежде насаждались Западом и грузинскими ультралибералами, в сегодняшних реалиях способны приобрести вполне конкретное наполнение. Нынешнее руководство Тбилиси, вероятно, уже изучает варианты геополитического взаимодействия с Россией, а также выстраивания новых связей с Израилем. Все три стороны одинаково не заинтересованы в экспансии турецкого неоосманизма и одновременно демонстрируют сдержанное или натянутое отношение к наступательной политике западного либерализма.